

Языковая ситуация и культурное самосознание детей и молодёжи Польского культурного центра им. К. Макушинского в городе Стрый

Toruń, Poland

Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu

Стрый это небольшой город (около 70000 населения), расположенный на реке Стрый, на Карпатской возвышенности, в 80 км от Львова. Город был впервые упомянут в 14 в., когда польский король Казимир Великий присоединил галицкие земли к Польше. В конце 18 в., после первого раздела Речи Посполитой, Стрый принадлежал Австро-Венгрии. В межвоенный период (1918–1939) город находился под польской юрисдикцией, а после Великой Отечественной войны входил в состав Украинской ССР. В настоящее время Стрый является центром Стрыйского района, Львовской области в Украине.

В Стрые функционирует Польский культурный центр им. Корнеля Макушинского¹, подразделение Культурного общества поляков Львовщины. Согласно информации, данной председателем польского общества в Стрые, Татьяной Бойко, центр работает на основании Закона «О национальных меньшинствах в Украине». Татьяна Бойко полагает, что политика открытости во всей деятельности Центра им. К. Макушинского помогает ей в сотрудничестве с городскими и областными властями, без согласия которых центр не мог бы функционировать в рамках украинского законодательства. Польская община состоит из 350 членов, но населения с польскими корнями в Стрые и его окрестностях — намного больше². Из-за трудной экономической ситуации города и района, польское общество не может рассчитывать на материальную помощь со стороны местных властей. Здание и участок, где помещается Польский культурный центр, были куплены, обновлены и оборудованы на средства Фонда помощи полякам на Востоке, управляемого польским Сенатом. Так как средства, получаемые из Польши, являются недостаточными для потребностей стрыйских поляков, руководство Польского культурного центра ищет другие источники финансирования своей деятельности. Кроме субботней школы польского языка и разнообразных культурных занятий, которые являются бесплатными для членов Культурного общества поляков, Центр проводит языковые курсы на коммерческих условиях для взрослых и детей, не принадлежащих к польской общине.

Важным фактором, укрепляющим польские традиции в Стрые и его окрестностях, является римско-католический костёл Рождества Богоматери, который в советские времена был единственным действующим храмом в городе. Таким образом на многие годы костёл стал местом молитвы также для греко-католиков и православных, религиозным центром Стрыя. До сих пор, в так называемом «польском приходе», в котором богослужения ведутся на польском языке, можно встретить много украинцев, не имеющих никаких связей с польской общиной, но привыкших молиться в костёле Рождества Богоматери. Польский культурный центр, хотя по своему уставу и целям не ориентирован ни на какое вероисповедание, из-за характера довоенного польского юго-восточного патриотизма — сильно связан с религией. Благодаря близким связям с римско-католическим костёлом, а также хорошим отношениям с местными властями, культурными учреждениями и СМИ, деятельность и очередные начинания Центра им. К. Макушинского известны не только членам польского общества, но и другим жителям Стрыя.

В «Летней школе польского языка и культуры» в Стрые, в августе 2007 г., во время которой был собран языковой и социолингвистический материал для настоящей статьи, кроме постоянных гостей Польского культурного центра, участвовали дети и молодёжь, впервые начинающие обучение польскому языку. Летние школы организуются в стрыйской польской общине уже несколько лет, в среднем два раза в год — в июле и августе. Занятия ведут местные, украинские учителя польского языка, постоянно работающие в Польском культурном центре, с помощью студентов — членов общества. Во время занятий дети и молодёжь, кроме практического обучения польскому языку, параллельно на польском и украинском знакомятся с историей Стрыя и его окрестностей, сравнивают польскую и украинскую народную символику, учатся как пользоваться компьютером, а также вместе поют. Программа летней школы в августе 2007 г. была модифицирована благодаря преподавателям из Польши³, которые обогатили занятия короткими курсами польской истории, географии, литературы и современной культуры. В занятиях, которые продолжались с 1 по 18 августа 2007 г. (выходной воскресенье), принимали участие 14 девушек и 11 юношей в возрасте с 10 до 20 лет (большинство с 12 до 16). Материал собран на основании высказываний, письменных работ и социолингвистического опроса⁴, и был пополнен наблюдениями учительницы польского языка⁵, работающей в Центре им. К. Макушинского с сентября 2007 г.

Принадлежность к Культурному обществу поляков Львовщины становится единственным официальным критерием, позволяющим назвать некоторые семьи польскими, но ситуация этнической принадлежности более сложная. Время, прошедшее от присоединения Галиции к Советскому Союзу, привело к ассимиляции польского населения. Полностью польских семей в Стрые и его окрестностях уже нет, даже среди официальных членов польской общины многие «польские» семьи принадлежат к обществу на основании происхождения родственников в третьем поколении.

Итак, для описания языкового и культурного самосознания младшего поколения жителей Стрыя, участвующих в деятельности Центра им. К. Макушинского, следует употребить другие факторы: знание языка, истории и культуры Польши, а также, прежде всего, самоопределение. Учитывая не всегда чёткие критерии принадлежности к польским организациям и пропорции национальностей среди родственников, более важным является самоопределение данного индивида. Однако, иногда самоопределение бывает поверхностным и «однократным»; некоторые выискивают польских предков и записываются в структуры меньшинства, чтобы поехать на экскурсию или обеспечить своим детям стипендию из польских фондов, не проявляя никакого интереса к культурной деятельности польской общины и не соблюдая обязанностей её членов⁶. Поэтому, кроме самоопределения этнической принадлежности, для полного описания языкового и культурного самосознания стрыйской молодёжи и детей, важно их отношение к разнообразному польско-украинскому наследию и хотя бы минимальные знания о культуре обоих народов, а также интерес к родине предков, выражаемый любознательностью и участием в любых начинаниях Польского культурного центра.

Почти все участники «Летней школы польского языка и культуры», которая проходила в августе 2007 г., прежде принимали участие в занятиях в стрыйском центре. Поэтому польские преподаватели могли сосредоточиться на продвинутой программе. Занятия проводились с 10 до 14, с небольшими переменами (нерегулярно). В рамках короткого курса польской истории, дети и молодёжь познакомились с важнейшими событиями и деятелями Польши, причём некоторые из них сопоставлялись с параллельными событиями мировой истории, с особым акцентом на фактах, общих для Польши и Украины. Программа занятий по географии была нацелена на ознакомление слушателей с крупными городами Польши, их достопримечательностями и географическим положением, регионами и их особенностями, сырьевыми

ресурсами и промышленностью. Старшие участники занятий знакомились также с географической терминологией на польском языке. Преподавание литературы базировалось на поэзии, причем выбирались стихотворения раньше неизвестные ученикам. В рамках занятий участники летней школы смотрели и пересказывали фильмы на польском языке, знакомились с современной молодёжной польской музыкой и постоянно были принуждены высказываться на самые разнообразные темы, расширяя лексику.

Опрос, проведённый во время летней школы, состоял из 16 вопросов открытых или полуоткрытых, а также социолингвистических данных (возраст, национальность ближайших родственников, языки, употребляемые в семье, место обучения). Опросный лист был подготовлен на польском языке, но участники могли его заполнять также по-украински. Информанты могли обращаться за помощью к проводящему анкету, или к работающим в Польском культурном центре учителям-украинцам, но вопросы не вызывали языковых проблем. Учеников спрашивали об известных им выдающихся представителях и важных событиях в истории польского и украинского народа, причинах посещения центра, посещённых польских и украинских городах, любимых польских и украинских фильмах, книгах и исполнителях, а также о характеристике их национальности.

Языковая компетенция участников летней школы изучалась во время занятий; ответы в анкете, где информанты должны были написать простые пожелания и описать свой сон (любой), по-польски и по-украински, также показывали уровень языковых знаний. Сопоставление вопросов из области польской и украинской культуры даёт возможность выявления причин возможного отсутствия ответов на данные вопросы. Например, если опрашиваемый не знает ни одного важного факта из польской истории, а без проблем описывает историю Украины, можно предполагать, что украинские события для этого молодого человека ближе и важнее, но если не называет ни одной любимой книги независимо от национальности авторов — причину этого факта следует искать в его равнодушии к литературе или невнимательному подходу к опросу⁷.

Среди 25 слушателей летней школы, регулярных участников было 18; они и стали главными информантами для настоящего исследования. Только два юноши и одна девушка ранее не учились польскому языку и не посещали Польский культурный центр. Все молодые представители польского меньшинства воспитывались среди украинских сверстников и учатся в украинских школах. Украинский является для них первичным языком⁸, на котором они высказываются свободно и правильно. Этот факт подтверждают также местные учителя. Польский усваивается скорее как вторичный язык посредством обучения в субботней школе, хотя многие участники летней школы употребляют польский язык также в общении с родственниками. Независимо от условий усвоения польского языка (первичное, вторичное или смешанное), в высказываниях молодых посетителей Центра им. К. Макушинского наблюдаются многие явления интерференции, т. е. «случаи отклонений от норм, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков чем один⁹». Украинское влияние в польской речи участников летней школы выступает на всех, различаемых У. Вайнрайхом уровнях языка: фонетическом, грамматическом и лексическом¹⁰.

Некоторые из участников летней школы, которые регулярно учат польский язык в Польском культурном центре уже несколько лет (Ж18а, Ж14, М16 и М15а¹¹), почти не проявляют отклонений от норм польской фонетики. Остальные встречаются с польской речью в её юго-восточном, архаичном варианте, в общении со старшими членами семьи с польскими корнями, что отражается в особом произношении, т.е. субституции польских палатальных согласных *ć, ś, ź, ż*¹² восточно-польскими *t', s' (s), z', ʒ'* напр. *t'asto* вместо польского *ćasto* (Ж18б), *v Pšem'yslu* — (поль.) *v Pšem'yślu* (М15б), *v'ez'm'e* — (поль.) *v'ėzm'ė* (Ж18б), *b'enʒ'e* — (поль.) *b'enʒe* (М15б). Для львов-

ского региона типичной является также редукция гласного [e] после мягких согласных в виде [i] или [iʲ], *ž'yčem v'elkij m'it'ości* вместо польского литературного *ž'yčem v'elkej m'it'ości* (Ж186). Влияние украинского языка заметно в нерегулярной замене некоторых польских фонем украинскими, напр. *ś : ṣ́ — śčenśca : śčenśca* (Ж12), а также в неизвестной польскому языку редукции безударных гласных в конце и середине слова; фонема /e/ после твёрдых согласных в первой ступени редукции переходит в речи молодых членов стрыйской польской общины в редуцированный гласный близкий *y*, напр. *očyk'uje* вместо польского *oček'uje* (Ж12), *ja ž'yčy t'ob'e zdr'ov'a* — (поль.) *ja ž'yčem t'ob'e zdr'ov'a* (Ж14), *ja 'učy sem* — (поль.) *ja 'učem sem* (Ж12).

Отклонения от норм польского языка на уровне грамматики сосредоточены в области морфологии, флексии и синтаксиса. Морфологическая интерференция проявляется в изменении рода существительных, напр. *g'imn'azjum* (мужской род в польском языке) под влиянием украинского *гімназія* (Ж12) приобретает женский род. Множественное число существительных нерегулярно образуется в речи участников летней школы по украинской парадигме, напр. вместо польского *naučyc'ele* выступает форма *naučyc'el'i*, сходная с украинским *вчителі* (М156). Особым случаем грамматической интерференции является субституция морфем, вследствие которой возникают гибридные польско-украинские слова: *ńe b'ułam* (поль. *ńe b'ułam*, укр. *не була*) — замена польского корня украинским (Ж186); *znaj'omstva* (поль. *znajom'ości* укр. *знакомства*) — субституция суффикса (Ж186). Также польская парадигма склонения существительных часто подвергается влиянию украинской грамматики, напр. *v Nozdž'ece* вместо польского предложного падежа *v N'ozdžcu* (допустимый вариант: *v N'ozdžecu*); (Ж16а). Интерференция в области синтаксиса связаны с грамматическими кальками — копиями конструкций языка L_1 , созданными с помощью элементов языка L_2 , в высказываниях на L_2 ¹³, напр. калька *na ukra'ińsk'im* появляется вместо поль. *po ukra'ińsku* под влиянием укр. *на українській* (Ж11). Сослагательное наклонение также подвергается интерференции: польскую модель *ž'ebym b'yla* заменяет форма *ž'eby b'ulam*, образованная как синтаксическая калька *щоб я була* (Ж20); украинская модель переводится не как единая конструкция, но элемент за элементом (*щоб = ž'eby, я була = b'ulam*).

Хотя наиболее распространённым проявлением лексической интерференции являются заимствования¹⁴, в польских высказываниях молодых слушателей летней школы в Стрые очень редко встречаются адаптированные и неадаптированные украинские слова. Хотя дети и молодёжь только после окончания всех занятий получили информацию о происходящих наблюдениях их языкового поведения, они отдавали себе отчёт в происхождении употребляемой ими лексики и в затруднительных ситуациях избегали ответа или сознательно переходили на украинский язык, соблюдая чистоту речи. Однако, даже «польская» (в сознании молодого поколения членов польской общины) лексика не лишается явления интерференции в области семантики. Причиной употребления некоторых слов вопреки их значению являются различия полей содержания в обоих языках, употребляемых двуязычным индивидом¹⁵. В настоящем исследовании отклонения от норм польского языка появлялись в случае слов, обладающих более широким значением в украинском языке, напр. *m'amy b'arzo f'adnyx naučyc'el'i* вместо *m'amy b'arzo f'ajnyx (d'obryx) naučyc'el'i* (М156) — поль. *f'adny* (красивый) является лишь одним из значений укр. *гарний* (хороший, красивый, классный). Е. Обара случаи интерференции полей содержания, вызванных сходством звуковых форм в языках L_1 и L_2 , называет семантическими омонимическими кальками¹⁶. Этот тип лексической интерференции довольно часто выступает в речи молодёжи и детей в Польском культурном центре, напр. *v'itam čem z suk'ese*¹⁷ вместо поль. *gratul'ujem ci sukcesu* (Ж11) — почти омонимическое сходство поль. *v'itać* (приветствовать) и укр. *вітати* (поздравлять, приветствовать) не совпадает с их семантическим диапазоном.

Кроме вышеупомянутых отклонений от норм польского языка, возникших вследствие двуязычия участников Летней школы польского языка и культуры, в их письменных работах и заполняемых опросных листах, появились другие типы интерференции, свойственные письменному варианту языка. Орфографические ошибки случаются также у одноязычных, большинство из них вытекает из недостаточных знаний правописания. Однако в некоторых случаях письменные ошибки обусловлены влиянием графики другого языка. Украинским буквам: *i* [i], *ü* [j], *i* [ji] в польском языке соответствуют *i* [i], *j* [j]; после гласных *i* произносится как [ji], но у учеников стрыйской летней школы наблюдались контаминации польских и украинских букв, например информант М15а, правильно писал по-польски, но в письменных работах употреблял вариант близкий к украинской орфографии и произношению «ukrajnski» вместо «ukraiński». Дети и молодёжь, которые раньше не учились польскому как иностранному языку, и встречались с языком предков только в устном варианте, сочетали латинский алфавит с английским языком и пытались применять английское правописание к польским словам, напр. записывая звук [š] как *sh* вместо *sz*, [č] — *ch* вместо *cz*, или [j] — *y* вместо *j* (М10б, Ж18б).

Опрос, проводимый среди участников летней школы в Стрые, был нацелен на верификацию наблюдений, а также на изучение факторов, детерминирующих языковую компетенцию и культурное самосознание информантов. Существуют значительные корреляции между частотой посещений Центра им. К. Макушинского, их причинами, общим уровнем владения польским языком, знаниями польской культуры и сферами использования обоих языков. Только одна девушка и один юноша из опрошенной группы употребляют польский в контактах с матерью (Ж18б), или отцом (М10а); все остальные как язык общения с родителями указывали украинский или русский, даже если родители знали польский язык¹⁸. По-польски участники летней школы общаются с бабушками и дедушками, а также дальними родственниками, учителями и товарищами в Польском культурном центре. Информанты М15б, М16 и Ж14 утверждают, что свободно владеют обоими языками, но всем остальным, по их признанию, легче общаться на украинском¹⁹.

Частые посещения Центра им. К. Макушинского (раз в неделю и чаще) связаны с регулярной языковой практикой и расширением знаний о Польше. Дети и молодёжь, постоянно проводящие время в Центре, напр. Ж20, Ж18а, М16, М15а, Ж14, Ж11 говорят по-польски намного лучше своих сверстников, спорадически принимающих участие в мероприятиях польской общины (Ж18б, Ж16а, Ж16б, М13 и др.). Эта разница видна особенно на примере Ж18а, говорящей практически на чистом польском языке, и Ж18б, обладающей богатой лексикой, но с заметными украинскими влияниями в речи, из-за отсутствия практики и общения с учителями польского языка. Несмотря на молодой возраст Ж11, её участие в занятиях в Польском культурном центре помогло ей овладеть польским языком лучше своих старших товарищей.

Следует обратить внимание на мотивацию к изучению польского языка и культуры. Все участники летней школы, характеризуя свою национальность, подчёркивали смешанные польские и украинские корни, только один юноша считает себя прежде всего поляком (М16). Общей причиной посещений Польского культурного центра является изучение польского языка, расширение знаний о польской культуре, общение с товарищами, участие в культурных мероприятиях (хор, молодёжный театр). Некоторые молодые люди (М16 и Ж14) мотивировали своё участие в занятиях желанием получить образование в польских вузах.

Знания участников летней школы о Польше и интерес к ней проверялись с помощью вопросов о важнейших исторических событиях, выдающихся лицах, литературе, музыке и интересных местах. Среди важных моментов украинской истории чаще всего назывались: крещение Руси (988), провозглашение независимости (1991), восстание Б. Хмельницкого (1648), взрыв

Чернобыльской АЭС (1986) и Оранжевая революция (2004), но все остальные ответы также подтверждают знания молодых людей о стране, в которой они живут. Перечисляемые события из польской истории были обусловлены причинами и частотностью посещений Польского культурного центра. Появляющееся в центре редко Ж18б, М13а и М13б среди главных моментов истории Польши указывали такие события, как Олимпийские игры 1928 г., а среди великих поляков — спортсменку Х. Конопацкую и поэта К. Вежинского, так как в летней школе слышали о первой олимпийской золотой медали для Польши в 1928 и о поэзии, а других фактов не знали. Постоянные участники образовательно-культурных начинаний без больших затруднений называли как украинские, так и польские исторические события и выдающихся деятелей²⁰.

Участники летней школы не проявляли особого интереса ни к польской, ни к украинской литературе, указывая в основном, как любимую украинскую книгу, известного им из школы *Кобзаря* Т. Шевченко и *Гарри Поттера* (!), а произведения Г. Сенкевича и К. Макушинского (патрона центра), среди любимых польских книг. Только М16 смог назвать польских исполнителей и музыкальные группы, хотя все информанты хорошо ориентировались в украинской музыке. Из-за доминирования американской кинопродукции в Польше и на Украине, информанты с трудом называли польские и украинские фильмы. Польские фильмы, кроме общеизвестного всем ученикам летней школы *Огнём и мечом*, смогли указать только Ж14, М16 и Ж18а, которые знакомились с важнейшими произведениями польского кино на дисках и кассетах во время занятий в центре.

Молодые слушатели «Летней школы польского языка и культуры» в Стрые, принимающие участие в настоящем исследовании, в разной степени владеют польским языком, но у всех можно заметить признаки интерференции. Хотя информанты отдают себе отчёт в своём смешанном происхождении, их интерес к Польше и её культуре зависит от мотивации к изучению языка и участию в мероприятиях польской общины. Однако, из-за учёбы в украинской школе и общения преимущественно с украинскими сверстниками, ученики летней школы чувствуют себя прежде всего украинцами²¹, хотя в Польском культурном центре не хотят в этом факте признаваться. Многие участники летней школы побывали в Польше, некоторые даже несколько раз, в разных городах. Непосредственное знакомство со страной предков стимулирует их к дальнейшему интересу к Польше, но всё-таки, даже молодые люди, желающие учиться в польских вузах, редко думают о переселении навсегда.

Благодаря дружеским взаимоотношениям польского и украинского государств, перед молодыми представителями польского меньшинства открываются возможности, недоступные для их родителей. Из-за социально-политических обстоятельств, господствовавших в Советском Союзе, среднее поколение стрыйских поляков не в состоянии передавать язык предков следующим поколениям, но молодёжь учится польской культуре и языку у дедушек и бабушек, а также посредством польских культурных организаций.

Пока контакты с родиной предков происходят через границу, пересечение которой, в связи с подписанием Польшей Шенгенского договора, стало ещё труднее. Интересными будут пути развития национального и культурного самосознания молодых членов польской общины в Стрые, в зависимости от геополитического положения Украины в будущем.

Примечания

- ¹ Корнель Макушинский (1854–1953) – выдающийся польский писатель, уроженец г. Стрыя.
- ² Н. Kowalik, 2004, „Jaki znak twój?“, в: *Tygodnik Przegląd* 47/2004; <http://www.przegladytygodnik.pl/idex.php/site=artykul&id=7847>; К. Kulik, 2006, „Cała Krzywa to Stryjanie“, в: *Miejski serwis informacyjny Gliwice*, 14(267)/2006, с. 7.

- ³ Три человека (в том числе автор настоящей статьи).
- ⁴ Подробные наблюдения, включающие опрос и письменные работы, проводимые в рамках занятий летней школы, проводились только для старших детей и молодёжи.
- ⁵ А. Знамеровска работала в Стрые в рамках программы „Полония”, проводимой Министерством просвещения Польши, которое направляет учителей польского языка в польские общины в восточной Европе.
- ⁶ Принадлежность к стрыйскому отделу Культурного общества поляков Львовщины связана не только с правами безвозмездного участия в языковых курсах и заграничных поездках, но также с некоторыми обязанностями: благоустройство здания общества, помощь в организации начинаний и уборка могил польских воинов на городском кладбище.
- ⁷ Причины пропущенных вопросов могут быть разными, но система параллельных вопросов помогает свести сомнения к минимуму.
- ⁸ Согласно с дефиницией Л. Завадовского, первичный язык это язык, употребляемый в разговорах на темы повседневной жизни, сферой функционирования которого является семейная жизнь, и который передают детям, не прибегая к другому языку; A. Zielińska, 1996, *Dwujęzyczność staroobrzędowców mieszkających w Polsce*, Warszawa: SOW, с. 22.
- ⁹ У. Вайнрайх, 2000, *Языковой контакт*, Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, с. 22.
- ¹⁰ Там же, с. 39-102.
- ¹¹ Символы информантов обозначают их пол (М – мужской, Ж – женской) и возраст (если в данную возрастную группу входил больше чем один представитель данного пола, информант обозначался добавочной буквой, напр. М13а, М13б).
- ¹² В польских примерах употребляется упрощённая славистическая транскрипция на основании латинского алфавита.
- ¹³ J. Obara, 1989, „Kalki jako jeden z przejawów interferencji językowej”, в: S. Warchoła (ред.), *Interferencje językowe na różnych obszarach słowiańszczyzny*, Lublin: UMCS WH, с. 205-207.
- ¹⁴ L. Nępor, 2002, „Interferencja leksykalna i jej odmiany (na przykładzie słownictwa kresowego)”, в: J. Rieger, (ред.), *Język mniejszości w otoczeniu obcym*, Warszawa: SEMPER, с. 103-105.
- ¹⁵ У. Вайнрайх, 2000, *Языковой контакт...*, с. 97-99.
- ¹⁶ J. Obara, 1989, „Kalki jako jeden z przejawów interferencji językowej”..., с. 200.
- ¹⁷ Вместе со значением глагола *wimatu* из украинского языка копируется синтаксическая конструкция.
- ¹⁸ Употребление польского языка в старшем поколении обусловлено воспитанием пожилых жителей Стрыя при довоенной польской власти. Следующее поколение воспитывалось уже в СССР, принимая образование в советских школах, среди украинцев и представителей других национальностей бывшего Советского Союза. Из-за политических условий они всю жизнь старались скрывать своё польское происхождение и его признаки (в том числе язык). Украинизация среднего поколения населения польского происхождения наблюдается также в других частях Украины; ср. E. Dzięgiel, S. Rudnicki.....
- ¹⁹ В ситуациях эмоционального возбуждения, или требующих быстрой реакции, молодые гости Польского культурного центра всегда переходят на украинский язык.
- ²⁰ Среди великих украинцев перечислялись писатели: Т. Шевченко, И. Франко, Л. Украинка, политики: М. Грушевский, В. Ющенко, а также Владимир Великий. Выдающимися деятелями польского народа участники летней школы считали: Иоанна Павла II, Леха Валенсу, Николая Коперника и Адама Мицкевича, а историческими фактами – крещение Польши (966), Варшавское восстание (1944), вступление в ЕС (2004), Солидарность (1980) и Конституцию 3 мая 1791.
- ²¹ Согласно с информацией, предоставленной польской учительницей, работающей в Стрые, если ситуация принуждает молодых членов польской общины выбирать между подготовкой спектакля к польскому национальному празднику, и любым украинским праздником, всегда побеждает украинский патриотизм.

Ключевые слова	Wyrazy kluczowe	Keywords
культурное и национальное сознание образование польское меньшинство польско-украинское двуязычие самосознание смешанное самосознание Стрый языковая ситуация	edukacja polska mniejszość polsko-ukraińska dwujęzyczność Stryj świadomość narodowa i kulturowa sytuacja językowa tożsamość tożsamość mieszana	education identity language situation minority organizations mixed identity national and cultural consciousness Polish minority Polish-Ukrainian bilingualism Stryj youth and children

M. Глушковски. Языковая ситуация и культурное самосознание детей и молодёжи Польского культурного центра им. К. Макушинского в городе Стрый

Статья рассказывает о результатах работы летней школы польского языка и культуры, во время занятий в которой был собран языковой и социолингвистический материал для изучения языковой ситуации и культурного самосознания детей и молодёжи из местной польской общины. Изучаемая группа была двуязычной, но её члены проявляли более высокую компетенцию в области украинского языка. В польской речи можно заметить украинские влияния. Информанты украинскую культуру знают лучше, чем польскую, но отдают себе отчёт в своих смешанных корнях.

M. Głuszkowski. Sytuacja językowa i świadomość kulturowa dzieci i młodzieży z Polskiego Centrum Kulturalnego im. Kornela Makuszyńskiego w Stryju

W sierpniu 2007 roku w Polskim Centrum Kulturalnym w Stryju odbywały się zajęcia „Letniej szkoły języka polskiego i kultury”, podczas których został zebrany materiał językowy i socjolingwistyczny, pozwalający na zbadanie sytuacji językowej i tożsamości kulturowej dzieci i młodzieży z miejscowej polskiej wspólnoty. Badana grupa jest dwujęzyczna, lecz przejawia wyższą kompetencję w zakresie języka ukraińskiego. Ich polszczyzna zawiera wyraźne wpływy ukraińskie. Badani lepiej znają kulturę ukraińską, niż polską, ale zdają sobie sprawę z własnych mieszanych korzeni. W zależności od zaangażowania w działalność polskiej wspólnoty, niektórzy młodzi przedstawiciele mniejszości przejawiają porównywalną kompetencję w obu językach i kulturach. Tożsamość kulturowa i językowa dzieci i młodzieży pochodzenia polskiego uzależniona jest od różnorodnych czynników społecznych.

M. Głuszkowski. Language situation and cultural identity of youth and children from the Kornel Makuszyński Polish Cultural Centre of Stryi

„Summer school of Polish language and culture”, held in August 2007 in Stryi, Ukraine, gave an opportunity to collect language and sociolinguistic material in order to describe language situation and cultural identity of youth and children of local Polish community. The investigated group was bilingual, but its members had shown higher competence in Ukrainian language. Their Polish is remarkably influenced with Ukrainian language. Dependent on engagement in Polish community’s activity, some representatives of the minority show almost equal competence in both languages and cultures. The cultural and language identity of children and youth of Polish origin depends on various social factors.

